

ниша, и кесаря, глаголаху, неколи же такового разума бывша, яко любо претелне некоему покушатися, ему же противляются и естество и прочая неудобства, но и корабленачальнику глаголаху: твоя труды и болезни довольно уже явствене и искусни явишися и наипаче понеже до того приплухом, иде же ни едино школи же человеческого смелство или дерзость проити удерза, но и мощно, глаголаху, ветру от полудни веявшу, аще к югу парус исправят, удобнейши внутрь малых днех, в благорастворену некую || страну дойти. Но Маггелан, ему же уже съветовано бысть — или умрети, или начинания к концу произвести — противу отвеца, яко от кесаря расписано ему есть обхождение плавание и не имети власти, но ниже хотети преступити повеленнаа, и сего ради до сего приплувша се бе яко страны сея или конецъ или перевоз достигнут, еже аще зиме възбраняющи в настоящем съдеатися невъзможно, но время лета удобнее възыскание будет страны сея, аще убо мы тогда к стране южнаго круга настоящиа земли плавание исправим, иде же нам все оно лето един и не вечернии день будет. Быти же, глаголаше, аще токмо произволят откуда и скудость нужных и лютость зимнюю облегчити възмогут, зане же и дров изобилие много, и море различных роди рыб нарочитейших подает, и источници добрейши же и сладчайши, птиц же и четвероногих лову страна хотящим дарует, хлеб же и вино, яже с ними, и до сего не оскудеша, ниже напред оскудети, аще токмо в нужную потребу и здравиа снискание, а не в излишнюю сладость и суетно наслаждение изнурятися хотят, ничто же еще, глаголаше, ведети им съдеанно бывше или удивлению достойно, известоваше же сие съществовано себе уже бывше, яко произволяет паче последняя страдати, нежели с безчестием в Испанию възвратитися. Последи же оно съветоваше им, яко оста ночную зиму благодушно подъяти, толико бо лучшаа въздаания им възпринати, елико болшими труды и бедами, но в и незнаемыи мир, араматы и златом изобилиющъ, кесарю обрящут. Маггелан убо своих товарищов мудрования сею беседою укрещеных же от въставленых уразумев.

По мале же днех неправедно и мерзкою крамолою стужение подъят, корабленое бо множество друг к другу начаяша глаголати: || о яже знала. 23 чала межи португалских и кастеланских ненависти и Маггелана португалина быти, и ничто же ино от него своему отечеству славнее мощно исправитися или кораблей сих и толиких велелепных мужей зле погубити, ниже веровати лепо есть, яко възжелание ему есть Молукитцкия острова обрести, но довольно ему будет, аще кесаря възможет на время некое тцими надежьми прелщати, посреди же сего и новейшее что всяко случитися, чаати его же для кастелане араматыскаго възыскания отступят всячески, сего убо ради ниже прикоснуса шествию носящему к Молукитцким островом, но к неким странним снегом и мразом и безпрестанному въздушному нерастворению. О сих Маггелан зело прогневавс, уцеломудряет товарищев. Но некогда съгласившеса убо противляющиися събрание в един от пяти кораблей влезоша и еже к Испании възвращение уготовляют. Маггелан же с прочими, елици словесем его еще внимаху, кораблю оному нападают, и начальствующаго в нем и иных преимеющих зело казнил. Обаче но ниже престаша же друг к другу шептания, отнюдь уже и ненависть сия глубокайши коснуса кастелановым сердцем.

Но Маггелан, егда первое уразуме и морския бури и зимнюю лютость укрошленных, отплу от брега святого Иулиана в 24 августа. И яко же прежде многими деньми страны оная простертие к югу зрящее преплав, явися ему губа некая, юже и Честный крест¹⁹ нарече, иде же велико их и лютейша буря, от востока въздвигшися, озлобаше; един от пяти корабль извержен бысть на брег и сокрушися, всем, иже в нем кораблеником не-